

УДК 82.09(476)

DOI: 10.26456/vtfilol/2026.1.025

ХРИСТИАНСКИЙ КОНТИНУУМ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ

Е. П. Жиганова

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, г. Минск

Статья посвящена русскоязычному поэтическому дискурсу Беларуси. Исследуется фрагмент христианского континуума с доминантными номинациями *крест, икона, лампада*, устанавливаются широкие и узкие контексты их использования. Описываются включенные в христианский корпус метафорические и сравнительные конструкции, в которых отражаются экзистенциальные и ментальные характеристики бытия человека, особенности его мировосприятия и мироощущения.

Ключевые слова: поэтический дискурс, христианский континуум, субстантив, метафора, экзистенция.

Русскоязычная литература Беларуси представляет собой интегрированное культурное явление, объединяющее взаимодействующие художественные парадигмы двух восточнославянских культур – русской и белорусской. Одним из самых полемичных вопросов, связанных с изучением данного культурного феномена, является вопрос национальной идентификации русскоязычной литературы Беларуси (А. Н. Андреев [1], В. В. Гниломёдов [4], О. А. Лавшук [7] и др.) Существующие научные воззрения на соотносимость национального и инонационального в русскоязычной литературе Беларуси свидетельствуют, с одной стороны, о полярности точек зрения на данную проблему, с другой стороны, подчеркивают в качестве ее неоспоримого достоинства взаимодействие двух художественных парадигм. Наряду с вопросами национальной идентификации русскоязычной литературы Беларуси в сфере научной полемики находятся проблемы ее истории и периодизации (А. В. Иванов [5], И. С. Скоропанова [13], С. В. Романова [11]), языковой репрезентации (Т. Е. Трощинская-Степушина [15], Е. И. Сердюкова [12]) и др. Подобные исследования свидетельствуют не только об актуальности рассматриваемой темы, но и о научной и общественной значимости современной русскоязычной литературы Беларуси, они «позволяют расширять границы мультикультурного и полиэтнического пространства Беларуси, что способствует более глубокому пониманию всей сложности и семиотической насыщенности национальной культуры» [12, с. 6].

© Жиганова Е. П., 2026

Данная статья посвящена выявлению христианского кода в современной русскоязычной поэзии Беларуси, который репрезентируется такими его элементами, как *крест*, *икона*, *лампада* и др. В статье используется методология описательного, компонентного и статистического анализов. В ходе исследования было выявлено более 120 лексических единиц, называющих предметы религиозного культа. Исследование проводилось методом сплошной выборки на материале антологии современной русскоязычной поэзии Беларуси [10].

Христианский континуум современной русскоязычной поэзии Беларуси представлен разными типами номинаций, реализующихся имплицитно на уровне образов, мотивов, аллюзий, реминисценций и пр. и эксплицитно (в исследуемом контексте речь идет о субстантивах-артефактах, называющих предметы религиозного культа). В отличие от бытовых артефактов, которые в поэтическом контексте чаще всего используются в прямом значении и редко прирастают дополнительными коннотациями, религиозные артефакты имеют символические коннотации, возникающие из-за непосредственного отражения различных аспектов христианского бытия. Обращает на себя внимание, что использование подобной лексики часто связано с обыденной жизнью человека, гораздо реже – непосредственно с изображением христианских обрядов и ритуалов, что обусловлено тем, что «религиозное мироощущение, обрядовая практика, религиозная мораль глубоко проникают в повседневную жизнь народа, многое в ней определяют и сами являются частью местного своеобразия» [9, с. 40]. Атрибуты христианского культа настолько прочно вошли в жизнь человека, что зачастую воспринимаются как неотъемлемая часть быта, однако в силу своей семантической емкости и глубины они отражают и христианскую философию, и национально-культурную специфику их бытования.

Самой частотной лексической единицей исследуемой тематической группы в современном русскоязычном поэтическом дискурсе Беларуси является лексема *крест* (выявлено более 70 текстовых включений). Согласно толковым словарям, субстантив *крест* характеризуется широкой смысловой парадигмой и включает в свой состав семь лексико-семантических вариантов, из которых с христианско-экзистенциальным континуумом связаны следующие: ‘предмет в виде вертикального стержня, пересеченного у верхнего конца перекладиной (или двумя) под прямым углом, символизирующий принадлежность к христианскому вероисповеданию’; ‘молитвенный жест рукой ото лба к груди, правому и левому плечу, изображающий такую фигуру’; ‘испытания, страдания, выпавшие на чью-либо долю’ [3].

Несмотря на частое использование лексемы *крест*, в современном русскоязычном поэтическом тексте практически не встречаются словопотребления с нейтральной коннотацией, поскольку изначально это

слово для большинства русскоязычных читателей несет дополнительную нагрузку за счет символических ассоциаций, связанных со Священной историей – распятием Христа на кресте.

Часто лексема *крест* используется в контексте, прямо отсылающем читателя к сюжетам Священной истории, что способствует особому развитию художественного образа, обусловленному авторским замыслом. «Чем шире культурный опыт читателя, тем больше «запускается» механизмов смыслообразования, формирующих объем понятия, вербализованного в слове и тексте», – пишет В. А. Маслова [8, с. 34]. В стихотворении Игоря Поглазова для усиления интенсивности чувств лирического героя используется сопоставление, отсылающее читателя к известному евангельскому сюжету: «*Мне не легче, чем богу распятому, / Умирающему на кресте*». Григорий Трестман противопоставляет образ воскресшего Христа человеку посредством использования лексемы *крест* в прямом и переносном значении: «*Христос воскрес, и крест его пустует, / а слепок не воскресшего Христа / тысячелетья молча протестует / и оторваться жаждет от креста*».

Имена собственные, использованные в поэтическом контексте, являются прецедентными именами, благодаря которым реализуется отсылка к Священной истории. Поэтому значение используемого артефакта дополняется новыми коннотациями: «*Извечная правда – дорога Христа, / Путь истины – крест и Голгофа!*» (Валерий Гришковец), «*Был не Варавва на кресте Голгофы, / Его простили, скалил зубы он*» (Дмитрий Юртаев) (прецедентный текст – Евангелие от Иоанна 19:17, 18) [2].

Чаще всего лексема *крест* в поэтическом контексте используется в значении 'предмет в виде вертикального стержня, символизирующий принадлежность к христианскому вероисповеданию'. Подобные кресты возвышаются над многими культовыми постройками: «*На зеленом куполе храма / Золоченый сияет крест*» (Бронислав Спринчан), «*С ними символом маминой веры / Крест на церкви к небу прирос*» (Владимир Шугля), «*Полюбив эти хмурые дали, / <...> / Эту чёрную пляску воронью / Над крестами святых куполов*» (Валентина Поликанина), «*Вновь под сенью золотого креста / Гнездо свила любви душа-птица*» (Олег Ананьев), «*И крест на храме золотой – / Вот наша крепость, наша сила*» (Афанасий Ботяновский). Упоминание подобных христианских символов в поэтическом тексте сопряжено с положительными коннотациями – светом, сиянием, святостью, чему способствуют многочисленные эпитеты и метафоры, включенные в контекст повествования: *золоченный крест, золотой крест, золотой крест, в бликах крест, крест – маяк небес безмолвный, кресты святых куполов, земной крест* и пр.

Иной эмотивной окраской обладают лексемы, называющие атрибуты похоронного обряда. Кладбищенские кресты в поэтическом контексте

связаны с болью утраты, печалью. Сочетающиеся с данной лексемой эпитеты также усиливают мотивы переживания невозвратной потери: «*Одни лежат / под звёздами давно, / Другие под **холодными / крестами***» (Геннадий Казак), «*Праздничную – со снежком на плитах, / Скорбную – в **согнувшихся крестах***» (Валерий Гришковец), «*Мы шли и шли, – откуда брались силы! – / с уверенностью высшей правоты, / вбивая в придорожные могилы / **простые безымянные кресты***» (Николай Наместников), «*К непогоде / на погосте / Стонут **старые кресты***» (Иван Бурсов).

Могильные кресты вписываются в окружающий пейзаж, становятся неизменным атрибутом действительности, поскольку смерть является неотъемлемым этапом человеческого бытия: «*За селеньем бесцветно и немо / В отдаленье топятся **кресты***» (Феликс Мыслицкий), «*А снега всё идут на просёлки и пожни, / Засыпают подворья, погосты, **кресты***» (Елена Агина). Подобные артефакты выступают одновременно знаком смерти и воскрешения, притяжения и страха, поскольку сочетают в себе противоположности – желание быть ближе к умершему и боязнь его новой сущности: «*Пройти, / **Крестов** пугаясь посторонних, / Переплетения решёток сторонясь*» (Алла Чёрная), «*На **кресте** ворона прокричала, / Как из тех, **незримых мест гонец***» (Валерий Гришковец).

В окружающий пейзаж вписываются и образы межевых (придорожных) крестов, выполняющих функцию оберега: «*Шел я тридцать лет сюда. Заблудились ноги. / Сяду, что ли, у **креста** – на большой дороге*» (Михаил Шелехов), «*Деревянный **крест** встречает на развилке*» (Анна Мартыничик).

Иные коннотации возникают в связи с описанием нательного креста – атрибута крестильного (родильного) обряда. В поэтическом контексте в этой связи основными становятся мотивы защищенности, надежды, веры в будущее: «*Был **крестик** крестильный на теле моем / Защитой, надеждой, оплотом*» (Николай Шипилов), «*Мы все помеченные сизмальства / **нательным крестиком** / надеемся душою вырасти*» (Александр Слещёв), «*Как последняя надежда – / Белый **крестик** на шинурке*» (Александр Чубаров). Даже если в подобном контексте появляется мотив преждевременной смерти, нательный крест выступает знаком возможного спасения: «***Крест** веры нательный – подковкой – / Жизнь сложит в тайге вековой*» (Владимир Шугля), «*Навешены горе, тоска и печаль / На **крестик** нательный*» (Анатолий Аврутин). Чаще всего для номинации подобного христианского артефакта используются диминутивы.

Черты динамичности в поэтическом контексте субстантив *крест* приобретает при использовании в значении ‘молитвенный жест рукой ото лба к груди, правому и левому плечу’. Динамизм усиливается за счет использования в контексте устаревших глаголов *осенять*, *творить*: «*На **крутых изломах бытия** / **Осеняет** мамин **крест** меня*» (Бронислав Сприн-

чан), «*В Турове, когда крестом своим / Осенял нас Туровский Кирила*» (Бронислав Спринчан), «*Я стоял перед Богом, / Крест несмело творил*» (Юрий Сапожков).

Достаточно часто в современном русскоязычном поэтическом дискурсе используется евангельское выражение *нести свой крест*, которое стало устойчивым, крылатым и употребляется в значении ‘терпеливо преодолевать трудности и испытания, мириться со своей печальной участью’ [3]. Иногда подобное словоупотребление предполагает непосредственную отсылку к евангельскому сюжету, чему способствует использование в ближайшем контексте имен собственных или прописной буквы в местоимениях: «*Нести свой крест, / Как нёс Иисус когда-то, / Нести свой крест / До самого конца*» (Софья Макаревич), «*И крест Твой вселенский – моих утолнение плеч*» (Вениамин Блаженный), «*Ибо крест, что в начале времен на Тебя возложили, / Лишь безмерная тягота вросшего в нас бытия*» (Иван Бисев). Символические ассоциации, связанные со Священной историей, не исчезают и в тех случаях, когда прямых отсылок к ним в тексте нет: «*Не рыдаю, случай не кляню я / на гвоздях привычного креста*» (Федор Ефимов), «*Мой неизменный поводырь, / Мой крест наплечный, / Мудрец, взирающий на мир / В печали вечной*» (Дмитрий Радиончик), «*Возьми свой крест. Иди за мной*» (Алла Чёрная). Подобные ассоциации возникают за счет использования фразеологизма *нести крест*, контекстуальных мотивов вечности, жертвенности, связанных в сознании христианина с образом Христа.

Встречаются в современной русскоязычной поэзии Беларуси различные словоупотребления лексемы *крест* в качестве компонента индивидуально-авторских метафор: «*Чужие жизни – крест, а не credo, / и те, в чьих глазницах растет трава, / узнали: всегда дорога победа, / а жизнь – напротив, всегда дешева*» (Константин Михеев), «*Древо Жизни Вечной – Крест, / Расцветающий над нами*» (Вадим Спринчан), «*Разум отвергает Крест, / А душа стремится к Воле. / Я хожу молиться – в лес, / Я хожу молиться – в поле*» (Афанасий Ботяновский). Как видно из контекста, в конструкциях с субстантивом *крест* реализуются экзистенциальные и ментальные характеристики бытия человека, его существования во временном (темпоральном) срезе.

Используются в исследуемом поэтическом дискурсе и сравнения с лексемой *крест*: «*Далекie птицы крестами / Легли на остывший закат*» (Любовь Турбина), «*Алмазно сияли мне звезды крестом / Над каждым разъездом и каждым мостом*» (Николай Шипилов). Как видно из контекста, здесь существительное *крест* употреблено в метафорическом значении, где форма креста сравнивается с похожей формой полёта птиц, с расположением звезд на небе. В качестве иллюстраций в подобных случаях используются не чисто метафорические конструкции, а форма сравнительного оборота *крестом*.

Встречается в исследуемом поэтическом контексте такая стилистическая фигура, как полиптотон ('повтор одного и того же слова в разных падежных формах' [14, с. 450]), благодаря которой усиливается динамика художественного образа. Повторы лексемы *крест* с разными предлогами способствуют проявлению подтекстовых значений, влияющих на создание целостного образа: «*Не даст ни на миг позабыть нам о том, / что мы – без креста – все равно под крестом*» (Ольга Норина); «*Повели их вчерашние братья / Без креста на кресте умирать...*» (Любовь Шелег).

Еще одним из часто встречающихся в современном русскоязычном поэтическом контексте элементов христианского кода является *икона* (выявлено более 35 текстовых включений). Согласно толковому словарю, *икона* у православных и католиков – 'предмет поклонения, живописное изображение Бога, святого или святых, образ' [3].

В поэтических текстах превалирует прямое словоупотребление данной лексемы с актуализацией следующих смысловых маркеров: *икона* как атрибут христианского обряда, *икона* как предмет с конкретными характеристиками, *икона* как изображенное на ней, образ (рисунок).

Традиция иконопочитания проявляется в описании самих икон как предметов христианского культа: «*У тёмных икон после трудного дня, / Один на один с неминуемой судьбою / За печь уложив спать шального меня, / Бабуля Настасья горела свечою*» (Иван Бисев), «*Но ангел, свивающий небо, все медлит, / Все медлит, все медлит на древней иконе*» (Юрий Фатнёв), «*Снова слетелись к иконам / Столетние откровения*» (Андрей Башлаков). Эпитеты *темный*, *древний* в данном контексте приносят положительные коннотации, поскольку ценность икон определяется их древним происхождением. Темные оклады старых икон контрастируют со светом, исходящим от них, и тем впечатлением, которое они производят на человека: «*То ли тепло / От икон серебристых, / То ль отраженьё / Свечи?*» (Григорий Соколовский).

Часто в поэтическом тексте описание иконы сводится к описанию ликов, изображенных на ней: «*С иконы, насунив брови, / смотрит на нас Всевышний*» (Александр Слащёв), «*Нищий и убогий Серафим / На тебя глядит в упор с иконы*» (Александр Чубаров), «*И взгляд взыскательный с икон, / И вздох лампадного огня*» (Ирина Валерина). Концентрируя внимание читателя на взгляде, автор стремится показать, какое влияние оказывает образ на верующего. Так, изображения мужских ликов транслируют требовательность, ощущение подчиненности, чему способствуют выражения *насунить брови*, *в упор*, *взыскательный взгляд*. Подобное отношение может быть обусловлено домостроевской традицией восприятия Бога как всевидящего и карающего. Посылы и эмоции печали, нежности, прощения транслируются при описании женских ликов, в частности

Богоматери: «Её глаза, печальные, глубокие, / Глядят с **икон**, и рядом с ней всегда / Дитя, с небес обещанное Богом» (Ольга Норина).

Одно из главных предназначений иконы – посредническая функция между Богом, святыми, изображенными на ней, и человеком, возносящим к ним молитвы. Подобные образы достаточно часто возникают в поэтическом контексте: «Мальчик стоит перед **иконой**, / Смирненно молитву шепча» (Елена Михаленко), «Свеча, полумрак, перед **иконой** вздох, / всё в мире не так как хотел бы Бог» (Александр Слащёв). Место в доме, где висела икона, всегда имело особое значение, не случайно оно именовалось в народе красным углом (у белорусов – *покуць*), «который являл собой копию небольшого храма, приближенного к человеку. Любое праздничное событие или ритуальная ситуация, связанная с основными этапами человеческой жизни, разворачивались в непосредственной близости от красного угла» [6, с. 299]. В красном углу возносились молитвы («И жил в углу **иконописный** дух, / А бабушка была ему подругой» (Валентина Поликанина), за иконами хранились самые сокровенные вещи («Спрятанный, / лежит за **образами** / дедовский георгиевский крест» (Иван Бурсов).

Поскольку *икона* являла собой овеществленный сакральный образ, все самое важное и ценное, что окружало человека, приобретало сакральные черты за счет близости к иконе, уподоблению или сравнению с нею. Например, в отрывке «И мамино фото светилось / **Иконой** на тёмной стене» (Олег Ананьев) уподобление обусловлено трепетным отношением к памяти матери. В стихотворении Олега Ананьева лицо крестьянки напоминает лирическому герою иконные лики: «Деревенская бабка Матрёна – / Святой лик меж **иконных** лиц». Располагая в одном ряду лики святых и человека, автор возвеличивает его, выражая свое уважение и восхищение.

Лексема *икона* является регулярным компонентом сравнения, с которым непосредственно сопоставляются другие предметы и явления, что способствует их сакрализации: «Как **икона**, седой, / в белом инее, словно в оправе, – / сквозь узоры ветвей / проступает живая душа» (Иван Бурсов), «Он пишет пейзаж / как портрет, как **икону**» (Геннадий Лопатин), «Природа знак вместила, как **икона**» (Николай Ковалевич).

Используется лексема *икона* и как компонент метафоры, где перенос осуществляется на основе сходства выполняемых функций (сакрализации образа): «И без **иконы** твоего лица / мне в храме бытия невыносимо» (Валерий Липневич), «**Иконы** всех вечерних окон / На берегу седых небес» (Олег Ананьев).

Еще один христианский артефакт, который встречается в исследуемом поэтическом дискурсе, – *лампада* (выявлено 9 текстовых включений). Согласно толковому словарю, лампада – ‘небольшой сосуд с фитилем, наполняемый маслом и зажигаемый перед иконой, перед божницей’ [3].

В поэтических текстах слово *лампада* используется в значении вечного огня, разгоняющего тьму, зло и неверие. В то же время огонь лампы может символизировать пламень веры в Бога и любви христианина к Богу.

Лишь трижды данная лексема употребляется в прямом значении: «*Неугасимо горит лампада в соборном храме!*» (Николай Шипилов), «*Собака ль завyla в сырой конуре, / Декабрь ли улегся на белом дворе – / Теплится лампада*» (Николай Шипилов), «*Землепашцы близлежащих сёл / Перекрыли нам дорогу в полдень, / Чтобы их лампад не обошёл / Исцеляющий огонь Господень*» (Бронислав Спринчан). Однако и в этих случаях символическое значение лексемы накладывается на первоначальное значение и расширяет образ.

Проявляется в поэтическом дискурсе данный артефакт и как компонент сравнения, причем используются предметные сравнения, выраженные творительным сравнением: «*В тишайшей тишине лампадой / Полесский вечер загорит*» (Олег Ананьев), «*А смиренные очи лампадами в Пасху горят*» (Анатолий Аврутин), «*Успение. Покой двора. / Горят лампадами рябины*» (Николай Ковалевич).

Встречается в исследуемых поэтических текстах лексема *лампада* как компонент метафоры, где перенос может осуществляться на основе сходства выполняемых функций: «*И над лугом месяца лампада / Тихо в душу синий льет покой*» (Николай Ильинский), «*Душа – лампада перед Богом, / И если ей дано гореть, / Она найдёт свою дорогу, / Неся другим тепло и свет*» (Тамара Залеская).

Нерегулярными артефактами в исследуемом контексте оказались такие предметы христианского культа, как *кадило*, *вериги* и *ладанка*. Так, лексема *кадило* ('металлический сосуд на цепочке для курения ладаном при богослужении' [Там же]) используется в прямом значении в стихотворении Александра Чубарова «*От кадила вьётся стружка дыма – / Господи, помилуй и прости*», однако само действие имеет символическое значение, что накладывает отпечаток на восприятие художественного образа. Используется данный артефакт в качестве вторичной номинации как компонент индивидуально-авторской метафоры, где перенос осуществляется на основе подобия выполняемых функций: «*И солнце вздымается паром в небесном кадиле, / спасения нам не суля – хоть совсем не дыши*» (Юлия Драбкина). Подобный метафорический перенос наблюдается и с лексемой *вериги* ('железные цепи, надевавшиеся на тело религиозными фанатиками'): «*Долой тяжёлые вериги! – / Тряхну упрямо головой*» (Софья Макаревич). Лексема *ладанка* ('маленький мешочек с каким-нибудь предметом, заговором (первоначально с ладаном), носимый на груди как талисман' [Там же]), использован в прямом значении: «*Знаю, что когда-то мужики / силу слова больше почитали... / Зашивали в ладанку стихи, / как молитву-заговор читали*» (Изяслав Котляров).

Таким образом, в белорусском русскоязычном поэтическом дискурсе активно используются наименования предметов религиозного культа, что свидетельствует об органическом вплетении таких предметов в окружающую человека бытовую действительность и о том, что христианство прочно вошло в сознание и жизнь человека, а для культуры современных белорусов оно стало безусловной аксиологической основой. Доминантными для христианского континуума русскоязычной поэзии Беларуси стали субстантивы *крест, икона, лампада*, которые в большинстве случаев характеризуются локативными и процессуальными маркерами (это купола церквей, кладбищенские могилы, семейные и календарные обряды). Такие субстантивы регулярно используются в метафорических и сравнительных конструкциях, где наблюдаются расширения их смысловых структур.

Список литературы

1. Андреев, А. Н. Острова Архипелага *N* // Неман. 2016. № 1. С. 185–194.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022. 1376 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. 1535 с.
4. Гниломедов, В. В., Микулич, Н. В. Современная русскоязычная поэзия Беларуси как историко-литературное явление // Рэгіянальнае, нацыянальнае і агульнаакадемічнае ў славянскіх літаратурах : матэрыялы VII Міжнародных чытаньняў. Гомель, 2020. С. 25–32.
5. Иванов, А. В. К вопросу о создании истории русскоязычной литературы Беларуси // У ракурсе сучаснага асэнсавання : межкафедр. зб. навук прац. Могилев : Могилевский государственный университет, 2011. С. 27–31.
6. Крук, Я. Сімволіка беларускай народнай культуры. Минск : Ураджай, 2001. 350 с.
7. Лавшук, О. А. «Свой/чужой»: проблема самоидентификации в русскоязычной поэзии Беларуси // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VII: сборник научных статей. Могилев : Могилевский государственный университет, 2022. С. 311–316.
8. Маслова, В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста: монография. Витебск : Витебский государственный университет, 2014. 104 с.
9. Мечковская, Н. Б. Язык и религия. Москва : Фаир, 1998. 352 с.
10. Поэзия русского слова: антология современной русскоязычной поэзии Беларуси : в 2 т. / сост. В. В. Гниломедов, М. Микулич. Минск : Беларуская навука, 2019.
11. Романова, С. В. Проблемы генезиса русскоязычной литературы Беларуси // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки. 2018. № 6. С. 139–144.

12. Сердюкова, Е. И. Интертекстуальность в русскоязычной поэзии Беларуси второй половины XX – начала XXI в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Е. И. Сердюкова ; Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. Минск, 2022. 29 с.
13. Скоропанова, И. С. «Минская школа» на рубеже XX–XXI вв. : хрестоматия // Русская литература: Курс лекций. Минск : Белорусский государственный университет, 2007. С. 95–126.
14. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. 811 с.
15. Трощинская-Степушина, Т. Е. Языковая репрезентация художественного образа в русскоязычной прозе Беларуси рубежа XX–XXI вв. : номинативный и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Т. Е. Трощинская-Степушина ; Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. Минск. 2015. 25 с.

THE CHRISTIAN CONTINUUM OF CONTEMPORARY RUSSIAN-LANGUAGE POETRY IN BELARUS

E. P. Zhiganova

Belarusian State Pedagogical University, Minsk

The article is devoted to the Russian-language poetic discourse of Belarus. A fragment of the Christian continuum with dominant nominations of the cross, icon, icon lamp is studied, broad and narrow contexts of their use are established. Metaphorical and comparative constructions included in the Christian corpora, that reflect the existential and mental characteristics of human existence, the peculiarities of his worldview and world perception are described.

Keywords: *poetic discourse, Christian continuum, substantive word, metaphor, existence*

Об авторе:

ЖИГАНОВА Елена Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и зарубежной литературы Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка (220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Советская, 18), e-mail: zhiganovalena@mail.ru.

About the author:

ZHIGANJVA Elena Pavlovna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Belarusian and Foreign Literature Department, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (220030, Republic of Belarus, Minsk, Sovetskaya str., 18), e-mail: zhiganovalena@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.12.2026 г.

Дата подписания в печать: 13.03.2026 г.